

*Сокращения, используемые в основном тексте
и примечаниях*

Ad/Bn – Teodor Adorno / Walter Benjamin. Briefwechsel. Frankfurt a/M., 1994.

AGS – *Adorno T.* Gesammelte Schriften. Hg. v. R.Tiedemann. 20 Bd-e. Frankfurt a/M., 1970–1986.

DGS – *Dilthey W.* Gesammelte Schriften. Göttingen, 1911–

EPhWth – Enzyklopädie Philosophie und Wissenschaftstheorie. Stuttgart, 1995–96; 2004.

HGA – *Heidegger M.* Gesamtausgabe. Frankfurt a/M., 1976 –

Hua – *Husserliana.* Edmund Husserl Gesammelte Werke. Den Haag, 1950– ; Dordrecht, 1972–

KS – *Krakauer S.* Schriften. Frankfurt a/M., 1985.

L – *Löwenthal L.* Gesammelte Werke. Frankfurt a/M., 1984 –

SZ – *Heidegger M.* Sein und Zeit. 1927

SGW – *Scheler M.* Gesammelte Werke. Bern–N. Y., 1975–

SSW – *Schopenhauer A.* Sämtliche Werke.

W – *Wiggershaus R.* Die Frankfurter schule. München; Wien, 5. Aufl. 1997.

Z – *Sloterdike P.* Kritik der Zynischen Vernunft.

В – *Вебер М.* Избранные работы. М., 1990.

Д – *Дильтей В.* Собрание сочинений. М., 2000–

Дв – *Давыдов Ю.Н.* Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. М. 1977.

Дм – *Дмитриев А.Н.* Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа. СПб.–М., 2004.

М/Э – *Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений. М., 1956–

Ш – *Шелер М.* Избранные произведения. М., 1994.

ШРесс – *Шелер М.* Рессентимент и структура моралей. М., 1999.

Собрания сочинений цитируются с указанием тома римскими цифрами и арабскими – страниц.

Horkheimer M. Gesammelte Schriften /Hrsg. von A.Schmidt u. G.Schmid Noerr. 18 Bde. Frankfurt a/M., 1985–

Собрание сочинений Макса Хоркхаймера цитируется только с указанием тома и страниц.

ВВЕДЕНИЕ

Мой интерес всегда был направлен на ранние этапы идеологических движений, на то время, когда идеологии еще не были институционализированы, а боролись за господство с другими идеями...

Зигфрид Кракауэр

Темой данной работы является рассмотрение истоков одной из наиболее известных и влиятельных школ современности. Ее исследование начнем с анализа философских и социальных идей Макса Хоркхаймера, считавшегося ее основателем, а также рассмотрения интеллектуального контекста их возникновения. Для решения этой задачи нам придется рассмотреть также и более широкий контекст интеллектуальных течений первых десятилетий XX в.

§ 1. ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО СО ШКОЛОЙ

Критическую теорию и Франкфуртскую школу обыкновенно связывают с именами Макса Хоркхаймера и Теодора В. Адорно. Как правило, к ней причисляют Юргена Хабермаса, Фридриха Поллока, Герберта Маркузе и Вальтера Беньямина, а также Эриха Фромма, Лео Лёвенталя, иногда — Франца Ноймана, Отто Кирхнера, Аркадия Гурланда и Ганса Мауса. Значительно реже в этой связи вспоминают Карла Августа Виттфогеля, Франца Боркенау и Генрика Гроссмана.

Эти различия объясняются тем, что «критическая теория» или «Франкфуртская школа» были этикетками-определениями, соответственно использовавшимися внутри этого течения или «извне». Само движение не было четко оформлено институционально, хотя Институт социальных исследований, открытый в 1923 г. во Франкфурте на Майне (с 1931 г. его возглавлял М.Хоркхаймер) и составлял его «ядро». С появлением Хоркхаймера, облик Института меняется¹.

Число и спектр «представителей» может оказываться различным в зависимости от того, берется ли в качестве критерия деятельность в рамках Института социальных исследований (Institut für Sozialforschung) или Института с тем же названием в американской эмиграции (Institute of Social Reserch, 1940–1951); Журнал социальных исследований (Zeitschrift für Sozialforschung, 1932–1939) или Studies in Philosophy and Science (SPSS, 1940–41), «Труды Института социальных исследований» (Schriften des Instituts für Sozialforschung; 5 Bd-e. 1929–1936) или же серия Publications of the International Institute of Social research (2 Bd-e. 1939, 1940), или же, наконец, Frankfurter Beiträge zur Soziologie (22 Bd-e. 1955–1971). При такого рода обозначениях могут подразумеваться также и общность применяемых методик исследования, программ, проблематики. Так, с самого начала обозначается первая серьезная трудность в определении границ предмета исследования. Не вполне ясно также, что, собственно, следует называть «критической теорией». Несмотря на эту неопределенность (а, может быть, как раз благодаря ей) выражение стало довольно модным². Мода как культурный феномен подчиняется своим собственным законам, а потому надеяться, что несколько примеров современного сло-

воупотребления помогут нам обнаружить, «что это такое», — дело, на наш взгляд, совершенно безнадежное³. Предварительная характеристика понятия «критическая теория» все-таки необходима. Популярность выражения берет свое начало от статьи Хоркхаймера «Традиционная и критическая теория» (1937), где критической теорией названа программа самостоятельной научной парадигмы (II: 20—35). «Критическая теория» формулируется как «термин (понятие) размежевания». «Отмежеваться» необходимо от теории «традиционной». По мнению Хоркхаймера, она довольствуется «данным» как той основой, за пределами которой бессмысленно какое-либо вопрошание. Критическая теория есть, напротив, «вмешивающееся мышление» (*eingreifendes Denken*); она служит не интересам отдельных классов общества, создается не ради отдельных наук, но — для всего общества. Характерными чертами критической теории с того времени оказывается использование идей К.Маркса и психоанализа З.Фрейда, отказ от политических союзов любого рода, скептическая оценка возможностей рабочего класса (пролетариата). Ограничимся пока этой краткой характеристикой предстоящей области исследования, зная ее неполноту.

Еще одной трудностью, связанной с Максом Хоркхаймером, оказывается его организационная роль в качестве директора Института социальных исследований. В кругу франкфуртских теоретиков, которые в 1930-х гг. образовали тесную научную кооперацию, имеющую значение для образования школы, Хоркхаймер, как справедливо отмечает Хабермас, занимает особое место. В его руках сосредоточены все бразды правления не только в организационно-научном плане как у директора Института и соиздателя (вместе с Ф.Пол-

локом) Журнала социальных исследований. Хоркхаймер единодушно признается *Spiritus rector* общей исследовательской программы⁴. Реже замечают оборотную сторону этой общественно-организаторской роли Хоркхаймера. Его собственные исследования необычайно сложно вычленишь из коллективных результатов собранной им группы исследователей, он сильнее связан с тем «собираательным обозначением единственного числа», которое впоследствии будет названо «Франкфуртской школой», нежели другие участники.

В рамках этого «коллективного единичного» есть и существенные различия. Между 1931 и 1941 теоретические усилия, практически вся интеллектуальная энергия Хоркхаймера без остатка уходит на реализацию программы, которая предполагала сотрудничество с экономистами, психологами, юристами, историками, социологами, музыковедами и литературоведами, — тогда как его коллеги относятся к этим систематическим усилиям с прохладцей, по крайней мере — выражение Хабермаса — «они не были для них *primum movens*».

Сотрудники Института были согласны в том, что марксистскую теорию общества следует высвободить из идеологических оков II-го и III-го Интернационала, что необходимо использовать те позитивные идеи, которые высказывались в развивавшихся параллельно «буржуазных» науках об обществе. Их объединяла также вера в то, что тенденция к «освобожденному обществу» может обеспечить новую взаимосвязь между дисциплинами, благодаря чему работа исследователей в частных науках получит должную ориентацию⁵. Тем самым предпринималась попытка переопределения роли философского (гуманитарного) знания, хотя и не все использовали эту терминологию. «Однако только

Хоркхаймер связывает с программой этого интердисциплинарного материализма модифицированное, причем в высшей степени оригинальное самопонимание философии: он пытался продолжить философию другими, социально-научными методами. Представителей социальных наук это не особенно интересовало, а его философское окружение – Адорно, Маркузе – как видно, не воспринимали это вполне всерьез».

Хоркхаймеру было важно «снятие (Aufhebung) философии в теории общества». Предполагалось, что подобная «социально-научная трансформация дает единственно возможный шанс для выживания философской мысли». Планируемая трансформация не является операцией, вполне безболезненной. Со ссылкой на Брунхорста ⁶, Хабермас называет ее «материалистической деструкцией философии», высказывая также спорное мнение, что, «в отличие от Адорно и Маркузе, в наиболее продуктивный период своей жизни Хоркхаймер был анти-философом».

§ 2. «ДИАЛЕКТИКА ПРОСВЕЩЕНИЯ» КАК ОСНОВНОЙ ТРУД ШКОЛЫ

Любой «исторический» подход, как правило, уже имеет определенное представление о предмете изучения. В случае Хоркхаймера это знакомство составлено не только из общих фактов о Франкфуртской школе, но и также из беглого знакомства с идеями самой известной его работы. Так получилось, что это – единственный перевод работы на русский язык, которая была бы подписана его именем.

«Диалектика просвещения» — зрелое произведение двух наиболее известных представителей школы, самого Макса Хоркхаймера и Теодора Адорно; оно появилось в 1947 г., хотя фактически завершено было уже в 1944-м. Облик Хоркхаймера как мыслителя теперь столь неразрывно связан с этой книгой, что именно она и оказывается первым и естественным «началом»: началом знакомства. Анализ идей этого произведения будет дан во второй части книги, вместе с изложением идей «позднего» Хоркхаймера, Однако — для концептуализации того, что, собственно, «предварительно-знакомо» нам из идей Хоркхаймера — представляется целесообразным дать хотя бы предварительную характеристику основных идей этого произведения.

«Диалектика просвещения» маркирует поворотный пункт в размышлениях Хоркхаймера и Адорно от теории общества, ориентированной на идею прогресса, — к пессимистически окрашенной критике цивилизации и культуры⁷. Основные ее идеи заключаются в следующем: 1) все, причем даже самые благонамеренные виды деятельности человека, неизбежно приводят в нашей культуре к результатам, которые противоречат изначальным намерениям; это происходит в силу не случая, но закономерности; 2) повсюду в тех областях, в которых, на первый взгляд, царит Порядок, — на самом деле господствует Хаос; 3) причины этих противоречий не являются случайными, не есть нарушения «нормальности», а потому не могут быть устранены улучшением наших научных методов и более удачным их применением; напротив, проблемы, противоречия и конфликты, переживаемые нами, обусловлены нашим рациональным спо-

собом мышления и действия. Иначе говоря, корни этого «зла» следует искать в рациональности, а не заниматься вторичными феноменами. Хоркхаймер и Адорно показывают, что интенсификация рациональных способов мышления и действия иногда приводит только к обострению проблем, при этом в значительной мере их «маскирует».

Смысл обращения к Хоркхаймеру отчасти продиктован следующим любопытным обстоятельством. Основатель школы, самой влиятельной на сегодняшний день в Германии, продуктивный и плодовитый мыслитель, — при этом, в силу не вполне ясных причин оказывается одним из наименее известных представителей школы. Единственный переведенный труд — и то в соавторстве. Можно сказать, что мы сегодня лучше знаем конфигурацию волн от падения в воду огромного валуна, чем сам этот валун. Из всех мыслителей, принадлежавших к Франкфуртской школе, более всех повезло Теодору Адорно. На русском языке представлены теперь практически все его основные работы: «Негативная диалектика», избранные работы по социологии музыки и «Эстетическая теория», «Проблемы философии морали», а также «Исследование авторитарной личности»⁸. Хоркхаймер как основатель школы известен пока только как соавтор Адорно⁹. Последний оттягивает на себя внимание большей части современных отечественных исследований этой традиции¹⁰.

Обращение к истории школы отчасти имеет «деструктивные» (в хайдеггеровском смысле) намерения: необходимо выяснить происхождение некоторых сомнительных схем восприятия критической теории как философского направления.

§ 3. СОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Критической теории Франкфуртской школы в целом не очень везло в отечественной философии 1950–1980-х. Она воспринималась как ревизионистская по своей природе, вызывало опасения «контрреволюционное воздействие идей и концепций этой школы на ход враждебных социализму событий в ЧССР в 1967–1968 гг.», отмечали «активизацию с помощью этих концепций всех правых сил и оживление мелкобуржуазной идеологии, выразившейся в новой волне ревизии марксистско-ленинской теории»¹¹. Вероятно, именно с этого времени практика изложения идей франкфуртцев приобрела ту самую специфическую краткость, следы которой различимы и по сей день. Акцент делался на перечисление имен и характеристику этапов институционализации Франкфуртской школы. Претензий было достаточно. От традиционного обвинения в «пессимизме» («...она проникнута неверием в человека и его разум») и игнорирования классовых противоречий — до фетишизации «бессилия человека перед властью институционализированных форм абстрактно понятого “господства”», негативного отношения к цивилизации нового времени вообще.

Помимо «Диалектики просвещения» (ее просто невозможно было обойти вниманием) особенно пристального внимания удостоивались в основном работы Т.Адорно, Г.Маркузе, а также «неофрейдизм» Э.Фромма. Их главные труды можно трактовать либо как фундаментально-теоретические («Негативная диалектика»¹²), либо как прикладные, критические к главному врагу марксистской идеологии — буржуазному обществу (высказывания франкфуртцев о самом марксизме, разумеется, замалчивались).

В этой ситуации монография Ю.Н.Давыдова «Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы» (М., 1977), на протяжении 30-ти лет оставалась единственным исследованием, по которому можно было познакомиться с идеями франкфуртцев. Свой замысел автор отчетливо заявляет как системный: «...В центре нашего рассмотрения находятся именно социально-философские воззрения франкфуртцев — сложный комплекс, в рамках которого социологические элементы переплетаются с гносеологическими, гносеологические — с культурфилософскими, культурфилософские — с эстетическими, эстетические — с политическими и т.д.» (Дв, 6—9). Этот комплекс един, внутренне противоречив; систематическое единство в него может внести проблема социальной философии, так сказать «теоретическое ядро» школы, а также различных идей, выдвинутых ее представителями. Выявление и описание этого «комплекса» и его «теоретического ядра» Ю.Н.Давыдов сравнивает с нахождением «магического кристалла», «сквозь призму которого франкфуртцы рассматривают и оценивают все события окружающей их действительности». Другой фундаментальный труд принадлежит А.Н.Дмитриеву. Он дополняет систематический замысел анализом философских, социально-политических и эстетических взглядов Д.Лукача, показывая, что идеи Франкфуртской школы с самого начала формируются отнюдь не в ходе специально-профессиональных теоретических обсуждений «традиционных философских проблем», а находятся под влиянием сложного комплекса религиозных, философских идей, а также эстетических программ модернистов и экспрессионистов того времени. Свой подход автор противопоставляет «популярному